

**Задания для отборочного этапа
олимпиады школьников Союзного государства
«Россия и Беларусь: историческая и духовная общность»**

I. Комплексный анализ поэтического текста

(на примере одного из стихотворений, выбранных участником олимпиады)

Анна Ахматова
ГОВОРЯТ ДЕТИ

В садах впервые загорелись маки,
И лету рад и вольно дышит город
Приморским ветром, свежим и соленым.
По рекам лодки пестрые скользят,
И юных липок легонькие тени –
Пришелиц милых на сухом асфальте, –
Как свежая улыбка...

Вдруг горькие ворвались в город звуки,
Из хора эти голоса – из хора сирот, –
И звуков нет возвышенной и чище,
Не громкие, но слышны на весь мир.
И в рупоре сегодня этот голос,
Пронзительный, как флейта. Он несется
Из-под каштанов душного Парижа,
Из опустевших рейнских городов,
Из Рима древнего.

И он доходчив,
Как жаворонка утренняя песня.
Он – всем родной и до конца понятный...
О, это тот сегодня говорит,
Кто над своей увидел колыбелью
Безумьем искаженные глаза,
Что прежде на него всегда глядели,
Как две звезды, –

и это тот,
Кто спрашивал:
«Когда отца убили?»
Ему никто не смеет возразить,
Остановить его и переспорить...
Вот он, светлоголовый, ясноглазый,
Всеобщий сын, всеобщий внук.
Клянемся,

запнувшись за мину,
 как за порог,
 наткнувшись на очередь,
 будто на ленточку финиша.
 Падают мальчики,
 руки раскинув просторно,
 на чернозем,
 от безделья и крови
 жирный.
 Падают мальчики,
 на мягких ладонях которых –
 такие прекрасные,
 такие длинные
 линии
 жизни.

II. Комплексный анализ прозаического текста

(на примере одного из произведений, выбранных участником олимпиады)

В.Ф. Одоевский (1803, по др. данным 1804 – 1869)
ЖИТЕЛЬ АФОНСКОЙ ГОРЫ

На Афонской горе жил учёный, благочестивый муж. Смолоду он научился разным наукам, знал целебную силу трав и корней. Часто он ходил по хижинам бедных людей, лечил больных, утешал умирающих. И были ему от всех любовь и почёт.

Однажды ту страну посетила страшная зараза – чума моровая. Люди заболели, и многие умирали; во всех хижинах были больные, и отовсюду посылали за добрым и учёным лекарем, чтобы пришёл он утешить и помочь страждущим.

Без устали ходил по больным добрый лекарь и раздавал лекарства. Иногда, когда мог захватить болезнь вовремя, он вылечивал; но чаще беспечные люди присылали за лекарем тогда, когда уже больной был при последнем издыхании, когда уже никакие лекарства помочь не могут, а неразумные люди упрекали и бранили доброго лекаря, как будто он был виноват в их беспечности.

Эти упрёки оскорбляли доброго лекаря; изнемог он и от усталости, и пришло ему на мысль:

– Зачем тружусь я для людей, да ещё неблагодарных? Зачем я жертвую собою для неразумных, которые не считают, кому я помог моим лекарством, а только жалуются, что я не вылечиваю полумёртвых? Зачем я подвергаю себя опасности заразиться от больных, мне вовсе чужих? Останусь я спокойно на горе; чума сюда не заходит, а там внизу пусть заболевают неразумные; мне дела нет: их вина!

С этими мыслями он пошёл на гору. Вдруг видит он, недалеко растёт прекрасный цветок, и такой он красивый, и такой от него запах.

– Вот, – подумал лекарь, – и цветок меня тому же научает: растёт он здесь на горе, красуется, и ни до кого ему нет дела; ему здесь хорошо, ветерок повеваает, солнышко греет, роса обливает, и растёт он здесь никому другому, а только себе на радость. Так буду и я жить, думать только о себе, а о других не заботиться.

Между тем он наклонился над цветком, чтобы лучше разглядеть. Смотрит: внутри цветка – мёртвая пчела. Собирая мёд и цветочную пыль, она ослабела, прилипла к цветку и замерла. Лекарь посмотрел, подумал, и краска стыда выступила у него на лице.

– Боже! – сказал он, – прости моему унынию и неразумию! По Твоей воле набрёл я на цветок, чтобы простое насекомое пристыдило меня. Для кого трудилась эта пчела, для кого собирала мёд? Не для себя, а для других. Так же, как и мне, ей никто не скажет спасибо; так же, как и меня, её всякий гнал, а между тем она всё трудилась и на труд свою жизнь положила. Прости, Господи, моему унынию и неразумию. Умудри и меня, как ты умудрил пчелу-медоносицу!

И снова начал лекарь собирать целебные травы, и снова до пота лица стал ходить по хижинам и помогать больным, утешать умирающих.

Впервые напечатано: Одоевский В.Ф., «Сказки дедушки Ириня», 1841.

Борис Константинович Зайцев **ДУША**

Сентябрьский, свеженький денек. Андрей Белый.

Девочка попросилась в церковь. Мы нередко ходим в церковь с ней, по летнику, за полторы версты. Но нынче, я уж чувствую, хочется ей поглядеть свадьбу, после обедни. Друг, приехавший ко мне из города, чтоб отдохнуть, собрался с нами.

И хоть несколько капель крапнуло с бледно-лиловеющего неба, и звонили уж довольно отдаленно, мы идем садом среди золотеющих антоновок, меж кленов златоогненных, чрез рощу, ясным полем с изумрудом зеленой. Девочка впереди. Видит она лошадь и меня дразнит ею:

– Папа, это Чижик наш на зеленях.

Разговор мой с другом ей не интересен.

В беленькой головке, со светлыми косицами, в быстрых ножках – юная душа, тайное соединение отца и матери ее.

Может быть, их страсти, горечи и недостатки в ней смешались, переплавились, родили серебро гармонии поющей. И ей близок жаворонок, синева далее сентябрьских, смех ее чист; вся она – круглая, хоть и остренькое личико у ней. Когда мы прошли кладбищем и слегка спустились к роще, чтобы обогнуть ее, то показались люди уж из церкви: несколько девиц, да и на лошадях двое прикатили.

– Может быть, не идти уж нам в церковь. Ведь обедня кончилась, – говорит друг.

Но мы пошли, девочка настояла.

Церковь почти пуста. Небольшая группа окружает батюшку чернобородого; он служит панихиду пред иконой. Свечи бледно горят. Все здесь пребывают. «Приидите ко Мне вси труждающиеся и обремененнии, и Аз упокою Вы». Сколько все мы настоялись, наплакались, служа об убиенном, также скончавшемся.

Свет Пречистый, поддержи нас...

У могилы, вблизи церкви, с белым крестом березовым, сидим на древней плите соседнего упокоения. Когда, назад два года, хоронил я здесь отца, сторож кладбищенский сказал: «Место хорошее, все князья лежат». Несколько плит тяжелых и замшелых, с высеченными надписями славянской вязью... Не прочтешь теперь, а все лежат. Береза листик золотой роняет; несколько кустов акации, камни, кое-где бурьян, да вид на речку и шоссе, серпом взбирающееся на взгорье. Двое поднимаются по нем в тележке.

Курим. Синее наш дымок от папирос.

Девочка рвет цветы. «Дедушке на могилку». С ней еще дети, наши же, деревенские.

– Ну, – говорю я ей, – домой. Она подходит и смеется.

– Не хочу. Венчанья дожидаться буду.

Целует меня в щеку и слегка трясет за бороду.

Черноволосый батюшка, в черном подряснике, монашеской скуфейке, слегка осклабясь, приглашает нас выпить чаю, в домике напротив.

Дом поповский, жизнь поповская, сам поп. Как крепко... Мы за столом заедаем чай со сливками медком, свежайшим маслом на лепешках. Кот проходит. За перегородкой дети зашушукались, возня. Образа слабо золотеют в уголке.

– Да-а, яблочками попользовался мой сосед, попользовался... – говорит чернобородый иерей с карими, моргающими глазками, дуя на блюдечко.

– Да-а. А что бы поделиться?! То этого как не бывало, хоть ведь я, имейте ввиду, сам теперь вместо него священник и церковным садом мог бы пользоваться. Да-да-а...

Все у него есть, да все обидно, что у других больше. С горечью он вспоминает про других попов, у кого чего много, и у всех как будто изобильнее, чем у него. Много и у огородников. Много у мельников, наживающихся за счет советов. В Климовском прихожане пятьдесят пудов муки священнику собрали.

– Кушайте, покорнейше прошу... Медку еще. Да, да-а... времена.

Быстро моргает и говорит, что хоть то хорошо: мужиков оберут.

– Это им, чтобы знали, да-а... чтобы понимали жизнь теперешнюю.

Даль в окне синее. Грачи стаей плавают над ригой.

***

Так девочка и не вернулась. Она осталась с приближенными друзьями дожидаться свадьбы – милые цветы украсили могилу, а мы шагали летничком домой, среди нежно серебристых далей сентября.

Все понять бы... Принять, одобрить и благословить. Как будто нет той жизни – страшной, грубой и безжалостной, где мы живем. Как будто нет и наших прегрешений.

Страна лежит, страна молчит. Солнце за перистыми облачками серебреет. Лежит сердце, молчит сердце. Молча истаивает.

Подходя к роще, паром полынным, ошмургивая горькую полынь, мы говорим о счастье и цельности, гармонии и раздвоенности, праведности и греховности, о тех делах, мыслях, стремлениях, с которыми – тысячелетия – входит в жизнь человек и выходит из нее.

Синеющим, прозрачно-перламутровым, оком опаловым смотрит на нас даль, слушает душой эфирной.

Нежно алеет и золотеет в лесах. Хочется, чтобы журавли пролетели.

Роща, сад, дом.

Мало осталось этих домов, террас, покойных видов в них, покойных семей, мирно пьющих чай на воздухе. Много сожжено, попалено, как в видимости, так и в душе. Но мы живем. И мы за что-то заплатили: за свои неправды, за прошедшее. Меч Немезиды многое сразил. Но, все-таки, живем. И даже чай пьем на террасе маленького дома и обедаем в дни теплые. И пообедав, как сейчас, играем с другом в шахматы, за стареньким столом, крест-накрест ножки, с крупными квадратами для шахмат, белыми, гнедыми.

Мы молчим часами. Серебристый день покоен. И ни свет, ни тучи. Как тепло! Как хочется быть кротким, добрым. Позабыть. Простить. Узнать Ее, чьей ризою эфиротканной все одето, заморожено, струится. Все струится с иным смыслом, выше нашего.

Двигутся фигуры на доске, ведут призрачную борьбу. С клена падает лист, кружась. В красном стеклянном шаре перед террасою мир отражен.

Дали безмолвны, светлосеребряны.

О, если бы свет разлить. О, если бы Лик любить. О, если бы Миг продлить.

Но его не продлишь, не убавишь. Ушел, новые листья с кленов падают, новые думы в сердце проходят, иные дела, малые, бедные совершаются.

Девочка с девочками из церкви вернулась, отдельно обедает. Бабушка на нас ворчит – зачем мы позволяем.

– А мы даже и свадьбы-то не дождались, даже и не приезжала, свадьба-то, три раза правда, – доносится из столовой.

Бабушка наша серьезная и основательная. И сейчас все зовут ее барыней. Не обижают.

– И напрасно дождались.

– Бабушка, ну как ждатель-то интересно бы-ыло. Ждали мы – я, Надя, Катя ротастая, Катя-клавиш...

– Ешь, ешь, нечего разглагольствовать.

Если я зайду во флигель, где живу, то увижу стол свой, книги, снимки, – тот угол, который удивляет моих граждан, что случайно забредают в мои комнаты. Одних смущает Микель-Анджелова «Ночь», повешенная над диваном, для других загадка – Данте бронзовый, глядящий строго на писания мои. Иногда и сам я удивляюсь. Мне, во-первых, странно, почему в бурю эту уцелел мой угол; и второе, – занимаясь, например, читая Ариосто, иногда я не могу не улыбнуться, и я думаю: «Мог ли воображать поэт, что в стране руссов, отдаленнейшей Московии, через четыре сотни лет, в годы вихрей и трагедий, друг неведомый прочтет его творения?»

И тогда бывает гордость, и какая-то особенная радость за слово наше, человеческое, несущее мне душу дальнюю, живую.

Я войду и в другую комнату, увижу там кровать, икону Божией Матери в ризе серебряной, на столе, убранную иммортелями. И с ней рядом из трех фотографий взглянет на меня лицо молодое и бодрое, взгляд острый, почти задорный... И нож быстро полоснет сердце, и не отразить ножа, не отразить. А вот и девушка, ему близкая – тоже ушедшая. Вот его друг, лицо полудетское – мученики времени, жертвоприношения сердец наших и удары Рока.

Вспоминая кровь, должен сдержаться. Это трудно.

«Любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас...»

Много здесь выжито, много здесь перемучено. Но это – жизнь.

На столе Богородица в ризе серебряной. О Ты, прибежище всех матерей истерзанных. «Благодатная Мария, Господь с Тобой».

– Папа, на сходку, скорей, зовут!

Девочка приоткрывает дверь, для убедительности вновь кричит:

– Три раза правда! Убегает.

– Стой! Куда?

– Некогда мне, за коровами!

И ее капор белый, синенькое пальтецо, косицы две мелькают уж далеко.

Что же, идем на сходку. Граждане зовут.

Прохожу тропинкою к деревне, садом. Этот сад отец сажал. Он теперь – деревенский. Но и нам оставила деревня долю нашу. А в этот год, голодный год, чтобы у нас и у деревни сада не отняли – я хлопотал. Успешно. Недавно баба ухватила меня за руку, пожалала, а потом вдруг наклонилась, к моему конфузу руку мне поцеловала.

– За хлеб-соль. Теперича голодовать не будем.

Трудно об этом вспомнить без улыбки. И идя сейчас садом, в первый раз сильно принесшим яблок, я чувствую: сад насаждал не я. Так и не удивительно, что он не мой. Это вовсе не удивительно.

***

Барин я или не барин? Странник, нищий, или господин, которому целуют руку?

Но какой бы я ни был, я хотел бы плыть тихо, с сердцем некровным, в светлой дымке сентябрьской. Не хочу ни дома, ни сада. Я путник.

***

И в то время, когда девочка с друзьями скачет на овсянице, или к дубкам на ржанице, отец выходит в поле, как и много лет он выходил в поля родные на заре. Как здесь безмолвно... Как знакомы дали, очертания лесочков, нив и колоколен. Вечером в поле кажется, что людей нет, а есть Бог, вечность, природа, медленно, беззвучно протекающие.

«Ничего не было, ничего и не будет». Или:

«Все было уже, и все будет».

***

Сходка – перед Комиссаровой избой. Вокруг столика зыбучего, под рябинкой, на завалинке, на трехногих стульях и скамье, под вечерним сентябрьским небом заседают граждане мои. Раньше я их знал мало. Теперь – побольше. Помню, я их стеснялся, ибо был вдали от интересов их, стремлений, вкусов. А сейчас, по-моему, они меня стесняются. Мы совсем в добрых отношениях. Но меж нами – пропасть. В разные стороны мы глядим, разно живем, разно чувствуем. Я для них слишком чудной, они для меня – слишком жизнь.

«Жизнь, как она есть...»

Невесело.

Записывают, сколько кто посеял, что собрал. Сколько отдать, куда везти. Все мрачны. Впереди голодная зима.

Среди унылых будней вдруг из-за ракиты выглянут глазенки детские, знакомые косицы; светлым, теплым проблеснет оттуда. И за ужином рассказывает девочка:

«Мой папа на сходке бы-ыл, уж он там с мужиками разговаривал, а я подслушивала. А потом мы: я, Катька ротастая, Катя-клавиш, Серенька, Оля, в ночное ездили. Уж хорошо ехать было, я рысью ехала, и даже меня Серенька догнать не мог».

Привет бесцельному. Глазам, ребятам, играм, ветерку, облаку, благоуханью...

«Жизнь, как она есть» – долой.

Несколько позже: стоим у опушки рощи дубовой. Луна в ясном небе. Зелень в слабом серебре росы. Точно мерцает, мреет что-то над ними, как серебряные ризы Богоматери.

Одень покровом своим бедный мир, дохни сиянием своим в души страждущие.

Вечером, когда детские уста станут произносить слова молитвы: «Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу»... Ты сойди, душа мира, Свет мира, Богоматерь в ризах серебряных, «осени души страждущие».

Мы стоим. Смотрим, слушаем, два призрака, два чудака в пустынях жизни.

Притыкино, 1917 г.

Александр Дьяченко
ИЗ КНИГИ «ПРЕОДОЛЕНИЕ»

– Я не всегда была старой и немощной, я жила в белорусской деревне, у меня была семья, очень хороший муж. Но пришли немцы, муж, как и другие мужчины, ушел в партизаны, он был их командиром. Мы, женщины, поддерживали своих мужчин, чем могли. Об этом стало известно немцам. Они приехали в деревню рано утром. Выгнали всех из домов и, как скотину, погнали на станцию в соседний городок. Там нас уже ждали вагоны. Людей набивали в теплушки так, что мы могли только стоять. Ехали с остановками двое суток, ни воды, ни пищи нам не давали. Когда нас наконец выгрузили из вагонов, то некоторые были уже не в состоянии двигаться. Тогда охрана стала сбрасывать их на землю и добивать прикладами карабинов. А потом нам показали направление к воротам и сказали: «Бегите». Как только мы пробежали половину расстояния, спустили собак. До ворот добежали самые сильные. Тогда собак отогнали, всех, кто остался, построили в колонну и повели сквозь ворота, на которых по-немецки было написано: «Каждому – свое». С тех пор, мальчик, я не могу смотреть на высокие печные трубы.

Она оголила руку и показала мне наколку из ряда цифр на внутренней стороне руки, ближе к локтю. Я знал, что это татуировка, у моего папы был на груди наколот танк, потому что он танкист, но зачем колоть цифры?

– Это мой номер в Освенциме.

Помню, что еще она рассказывала о том, как их освобождали наши танкисты и как ей повезло дожить до этого дня. Про сам лагерь и том, что в нем происходило, она не рассказывала мне ничего, наверное, жалела мою детскую голову.

Об Освенциме я узнал уже позднее. Узнал и понял, почему моя соседка не могла смотреть на трубы нашей котельной.

Мой отец во время войны тоже оказался на оккупированной территории. Досталось им от немцев, ох, как досталось. А когда наши погнали немчуру, то те, понимая, что подросшие мальчишки – завтрашние солдаты, решили их расстрелять. Собрали всех и повели в лог, а тут наш самолетик – увидел скопление людей и дал рядом очередь. Немцы на землю, а пацаны – врассыпную. Моему папе повезло, он убежал, с простреленной рукой, но убежал. Не всем тогда повезло.

В Германию мой отец входил танкистом. Их танковая бригада отличилась под Берлином на Зееловских высотах. Я видел фотографии этих ребят. Молодежь, а вся грудь в орденах, несколько человек – Герои. Многие, как и мой папа, были призваны в действующую армию с оккупированных земель, и многим было за что мстить немцам. Поэтому, может, и воевали так отчаянно храбро.

Шли по Европе, освобождали узников концлагерей и били врага, добывая беспощадно. «Мы рвались в саму Германию, мы мечтали, как размажем ее траками гусениц наших танков. У нас была особая часть, даже

форма одежды была черная. Мы еще смеялись, как бы нас с эсэсовцами не спутали».

Сразу по окончании войны бригада моего отца была размещена в одном из маленьких немецких городков. Вернее, в руинах, что от него остались. Сами кое-как расположились в подвалах зданий, а вот помещения для столовой не было. И командир бригады, молодой полковник, распорядился сбивать столы из щитов и ставить временную столовую прямо на площади городка.

«И вот наш первый мирный обед. Полевые кухни, повара, все, как обычно, но солдаты сидят не на земле или на танке, а как положено, за столами. Только начали обедать, и вдруг из всех руин, подвалов, щелей, как тараканы, начали выползать немецкие дети. Кто-то стоит, а кто-то уже и стоять от голода не может. Стоят и смотрят на нас, как собаки. И не знаю, как это получилось, но я своей простреленной рукой взял хлеб и сунул в карман, смотрю тихонько, а все наши ребята, не поднимая глаз друг на друга, делают то же самое».

А потом они кормили немецких детей, отдавали все, что только можно было каким-то образом утаить от обеда, сами еще вчерашние дети, которых совсем недавно, не дрогнув, насильовали, сжигали, расстреливали отцы этих немецких детей на захваченной ими нашей земле.

Командир бригады, Герой Советского Союза, по национальности еврей, родителей которого, как и всех других евреев маленького белорусского городка, каратели живыми закопали в землю, имел полное право, как моральное, так и военное, залпами отогнать немецких «выродков» от своих танкистов. Они объедали его солдат, понижали их боеспособность, многие из этих детей были еще и больны и могли распространить заразу среди личного состава.

Но полковник, вместо того чтобы стрелять, приказал увеличить норму расхода продуктов. И немецких детей по приказу еврея кормили вместе с его солдатами.

Думаешь, что это за явление такое – Русский Солдат? Откуда такое милосердие? Почему не мстили? Кажется, это выше любых сил – узнать, что всю твою родню живьем закопали, возможно, отцы этих же детей, видеть концлагерь с множеством тел замученных людей. И вместо того чтобы оторваться на детях и женах врага, они, напротив, спасали их, кормили, лечили.

С описываемых событий прошло несколько лет, и мой папа, окончив военное училище в пятидесятые годы, вновь проходил военную службу в Германии, но уже офицером. Как-то на улице одного города его окликнул молодой немец. Он подбежал к моему отцу, схватил его за руку и спросил:

– Вы не узнаете меня? Да, конечно, сейчас во мне трудно узнать того голодного оборванного мальчишку. Но я вас запомнил, как вы тогда кормили нас среди руин. Поверьте, мы никогда этого не забудем.

Вот так мы приобретали друзей на Западе, силой оружия и всепобеждающей силой христианской любви.

III. 15 мая 2014 года в Представительстве Россотрудничества в Республике Беларусь – Российском центре науки и культуры в Минске состоялась презентация очередного сборника произведений писателей Беларуси и России «Созвездие сердец Беларусь – Россия. Звёздный родник».

Разработайте оригинальный проект сборника, включающего произведения русских и белорусских писателей и напишите к нему вступительную статью.